7. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2007.
8. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2008.
9. Машиев А.Г. Чеченско-русский словарь. Грозный, 2010.
10. Мунаев И.Б. Нохчийн фольклор. Соьлжа-Г1ала (Чеченский фольклор. Грозный), 2010. Т. VI.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2006.
12. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Москва, 2004.
13. Сухарев В.А., Сухарев М.В. Европейцы и американцы глазами психолога. М., 2000.
14. Цуев Я., Цуев М. Халкъантидамаш, хъехамаш, кичанаш. Соьлжа-Г1ала: Исламан З1аьнарш (Народные приметы, поучения, пословицы и поговорки. Грозный: Лучи Ислама).
15. Ямадаев Р. Чеченские пословицы и поговорки. М., 2005.

* * *

1. Aliroev I.Ju. Kuvshin mudrostej: Chechenskie posloviцы i pogovorki. Groznyj, 1990.
2. Bersanov H.-A. Posloviцы, pogovorki, slova mudrosti, nastavlenija. Groznyj: Groznenskiy rabochij, 2011.
3. Vagapov A. Jetimologicheskij slovar' chechenskogo jazyka. Tbilisi: Meridiani, 2011.
4. Dzhambekov O.A. Zhanrovye i pojeticheskie osobennosti chechenskih geroiko-istoricheskikh pesen illi: dis. ... kand. filol. nauk. Majkop, 2008.
5. Dzhambekov Sh.A. Nohchijn fol'klor (Chechenskiy fol'klor). Groznyj: Kniga, 1991.
6. Karasik V.I., Sternin I.A. Antologija konceptov. Volgograd: Paradigma, 2005. Т. 1.
7. Kuznecov S.A. Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo jazyka. SPb.: Norint, 2007.
8. Lopatin V.V., Lopatina L.E. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka. M.: Jeksmo, 2008.
9. Maciev A.G. Chechensko-russkiy slovar'. Groznyj, 2010.
10. Munaev I.B. Nohchijn fol'klor. So'lzha-G1ala (Chechenskiy fol'klor. Groznyj), 2010. Т. VI.
11. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka. M., 2006.
12. Stepanov Ju.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Moskva, 2004.
13. Suharev V.A., Suharev M.V. Evropejcy i amerikancy glazami psihologa. M., 2000.
14. Cuev Ja., Cuev M. Halk#antidamash, h'ehamash, kicanash. So'lzha-G1ala: Islaman Z1a'narsh (Narodnye primety, pouchenija, posloviцы i pogovorki. Groznyj: Luchi Islama).
15. Jamadaev R. Chechenskie posloviцы i pogovorki. M., 2005.

The concept "friendship" in the perception of the world by the Chechens

The article considers the concept «friendship» in the Chechen language on material taken from the Chechen folklore. The authors analyze the semantic field of the concept "friendship" in paroemias and heroic song. It has been established that the concept of "friendship" in Chechen is a key concept that reflects the ethnic and cultural specifics of the Chechen people. The following semantic features are defined: loyalty, mutual aid, fraternal relations, unselfishness.

Key words: "datagullah" ("friendship"), concept, paroemias, heroic-historical songs, illi, semantic attribute, loyalty, unselfishness.

(Статья поступила в редакцию 24.10.2018)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Т.Г. БАСАНГОВА
(Элиста)

ЖУРАВЛЬ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ КАЛМЫКОВ*

Исследуется образ журавля – сакральной птицы, пользовавшейся особым почитанием у калмыков. В фольклорной традиции калмыков бытуют запреты, заговоры, сказки, песни, танцы, связанные с этой перелетной птицей.

Ключевые слова: сказки о животных и птицах, журавль, заговор, запрет, свадебная песня, танец-пантомима.

В калмыцкой фольклористике сказки о животных являются до настоящего малоизученным жанром. Сказки о животных были предметом изучения М.Э. Джимгирова, который одну из глав своей монографии посвятил им. В данной главе ученый проследил эволю-

* Статья подготовлена в рамках Госзадания «Свод калмыцкого фольклора. Подготовка томов: Том "Калмыцкие сказки о животных, бытовые, кумулятивные сказки и небылицы"» (№ АААА-А16-116053010037-9).

цию сюжетов калмыцких сказок о животных и пришел к выводу, что в основе многих сюжетов лежит тотемизм [10].

В.Я. Пропп выделяет в русском фольклоре шесть групп сказок этого вида:

- 1) сказки о диких животных;
- 2) сказки о диких и домашних животных;
- 3) сказки о человеке и диких животных;
- 4) сказки о домашних животных;
- 5) сказки о птицах, рыбах и др;
- 6) сказки о прочих животных и растениях [17, с. 272].

Образы животных, их функции в текстах сказок исследованы Т.Г. Басанговой [4; 5]. В результате исследования, основной целью которого было выявление и степень изученности сказок о животных, обнаружилось, что наименее изучены сказки о птицах [3].

В традиционной культуре калмыков одной из почитаемых птиц был журавль (тоһрун). Птицы в традициях различных народов являются неперенным элементом религиозно-мифологической системы и ритуала, обладают разнообразными функциями. Птернатые могут быть божествами, демиургами, героями, превращенными людьми, трикстерами, ездовыми животными богов, шаманов, героев, тотемными предками и т. п. [13, т. 2, с. 346].

К птицам-тотемам у калмыков традиционно относятся журавль, ворон. Культ журавля – это особо значимый феномен в калмыцкой культуре. В народной памяти калмыков сохранились и до сего времени соблюдаются запреты, связанные с этой птицей. По широко распространенной примете, если калмык застрелил журавля, то его проклянет журавлиная стая. Поэтому существовал запрет на отстрел журавлей. Журавлиное проклятие, по воззрениям наших предков, всегда достигнет своей цели. У калмыков бытовала протяжная песня «Хар келн тоһрун» («Журавль с черным языком») (ср.: человек, произносящий проклятие, для усиления его действия намазывает язык черной сажеей). Согласно легендам, эта протяжная песня не что иное, как пение журавушки, потерявшей птенцов и кружащей над местом их гибели с печальным криком. Эта песня-проклинание адресуется тому, кто уничтожил ее птенцов. У калмыков бытовало поверье: убить птенца равносильно убийству ге-люнга, творящего добродетельные деяния. Те же приметы, связанные с журавлем, бытуют и у башкир. М.М. Сагитов, Ф.А. Надршина в своих трудах писали, что журавли считаются священными птицами [16, с. 80; 18, с. 91].

Калмыки также связывали прилет журавлей с расцветом природы, обновлением жизни. Время прилета и гнездования журавлей, время исполнения журавлиных плясок описывается В.И. Фаворским: «Степь я видел в июне. Она была почти без цветов, но основной ее цвет определялся польнью... В первый момент степь поражала безлюдностью, потом оказывалась очень населенной всякими существами: сусликами, тушканами, змеями, зайцами, орлами, журавлями и т. д. Орлов и журавлей не стреляют, так как они полезны, и их видишь все время – изящных журавлей голубо-серых с белыми султанами, всегда парочкой бегущих или взлетающих, и тяжелокрылых могучих орлов, сидящих на буграх» [21].

Танцы-пантомимы присущи калмыцкой танцевальной культуре – это танец журавлей, танец зайца, которые отражали явления окружающего мира и природы. Журавлиный танец в калмыцкой танцевальной культуре относится к разряду танцев-пантомим, эта функция отражена в тексте заклинательной песни, которую исполняют весной во время их прилета на прежнее место обитания:

Хавр болв, цасн хээлу,
Толһа деер тоһрун ирв,
Э, тоһрун, эврэ тоһрун,
Эн толһан эзн – тоһрун.
Э, тоһрун, эргэд биил,
Хойр үүрэн сагжад биил.
Э, тоһрун, эврэ тоһрун,
Эн толһан эзн – тоһрун,
Э, тоһрун, эргэд биил,
Энд – тус, тенд – тус,
Э, тоһрун, эврэ тоһрун,
Эн толһан эзн тоһрун.
Э, тоһрун, эврэ тоһрун,
Э, тоһрун, эргэд биил,
Хойр живрэн сажад биил,
Хойр үүрэн дасхад биил,
Энд – тус, тенд – тус,
Э, тоһрун, эврэ тоһрун,
Эн толһан эзн – тоһрун [1, с. 45]

(Наступила весна, растаял снег,
На курган сел журавль,
Э, журавль, наш журавль,
Хозяин этого кургана – журавль.
Э, журавль, покружись, танцуя
Вместе с двумя журавлями.
Э, журавль, наш журавль,
Хозяин этого кургана – журавль.
Э, журавль, покружись, танцуя,
Там прыгни, здесь прыгни,
Э, журавль, наш журавль,
Хозяин этого кургана – журавль.
Э, журавль, наш журавль,
Э, журавль, покружись, танцуя,

Потряхивая двумя крылами,
Ведя за собой двух друзей,
Там прыгни, здесь прыгни,
Э, журавль, наш журавль,
Хозяин этого кургана – журавль).

Выразительные признаки журавлиного танца отражены в подражательной лексике, которая обозначает телодвижение журавля пары, подбадривают (*Журавль, покружись, танцуй*), также указывают на место, куда должен прыгнуть журавль (*Там прыгни, здесь прыгни*). В этом единственном тексте заклинательной песни, посвященной журавлям, исполнитель обращается к нему как к «хозяину кургана», ибо после перелета журавли поселяются в одном месте, у них обнаруживается привязанность к друг другу и к месту обитания, согласно тексту песни – на высоком месте – на верхушке кургана, ближе к небосводу, куда любят долетать журавли. Ритмичная песня, исполняемая под звуки калмыцкого струнного инструмента домбры, это песня – подбадривание, песня – восхваление танцующего журавля. В заклинательной песне речь идет не об одном журавле, а о целом семействе, потому что, согласно тексту песни, птица учит подражательным движениям танца еще двоих птенцов [6, с. 400].

Крики и звуки, издаваемые животными и птицами, также были в круге исследований. Материалом для исследования послужила лексика калмыцких пословиц и поговорок, сказок [12, с. 113–115].

Печальный крик журавля в свадебной песне «Журавль с черным языком» передается словом *доңдна*, которое имеет множество значений, в числе которых следующее: 1) петь, кричать (о птицах); ворковать (о голубях); гоготать (о гусях): *Галун нег доңдхла, хавр ирдг / Когда один раз крякнет гусь, то приходит весна* [10, с. 206].

Слово *доңг* обозначает крик любой птицы, в том числе и журавля. В калмыцком языке есть еще одно его значение – это обозначение звука металла – *сукэр доңдх* (ударить топором). Здесь через *доңг* передан звон железа: журавли обладали звенящим, подобно металлу, голосом. Данное звукоподражание переводится на русский язык чаще всего как курлыканье.

Однако в текстах калмыцких сказок есть и другие обозначения крика журавля. Например, крик журавля обозначен следующим образом: *...кири-кири гигэд, кур-курү гигэд, оьтрьуд нисэд йовад одна* (с «криком кири-

кири, кюрю-кюрю» влетел до самого небосвода») [23, с. 208].

В сказке «Мудрец и гелюнг» герои вступают в спор о том, кто лучше знает повадки журавля. Гелюнг считает, журавли кричат «крык, крык», поскольку едят сочную траву, а сирота полагает, что они издают звук «курлы, курлы», т. к. ходят по грязному болоту и едят лягушек [15]. Тексту сказки «Мудрец и гелюнг» присущи определенные этиологические черты: крик журавли зависит от того, чем они питаются – животной или растительной пищей.

Услышав крик летящих журавлей, в Синьцзяни произносили: «Һалун ирхлә, һалан түл, эңр ирхлә, ээргән бул, тоһрун ирхлә, тосан ав» («Когда прилетят журавли, зажигай огонь, когда прилетит турпан, изготавливай айран, когда прилетит журавль, начинай собирать масло») [2].

В кратком заговоре содержатся сведения о хозяйственной деятельности человека в разное время года, основанной на поведении животных. Считалось, что журавль может проклясть того, кто разорил его гнездо. Но, если в степи попадалось журавлиное гнездо, произносили восхваление журавлю: «Тоһрун сээхн, Тоодг му, Цам хурай, Цам хурай!» («Журавль красив, Дрофа некрасива, Цам хурай, Цам хурай!»).

Краткий заговор строится на противопоставлении внешности птиц – журавля и дрофы. Заговор заканчивается призыванием *хурай*, который произносили при обряде поклонения огню. Обряд устраивался как родовой, семейный и индивидуальный и заканчивался призыванием счастья. На родовой обряд собирались только члены одного родового коллектива.

Обряды жертвоприношения огню акцентируют его значение в качестве связующего звена между мирами в трехчленной модели Вселенной. В древнем государстве гуннов был клич *хурай*. Во время национально-освободительной революции 1911 г. и до середины 1920-х гг. у монгольских воинов тоже был боевой клич *хурай* [8].

Постепенно боевой клич *хурай* превратился в известное *ура*. Таким образом, журавль, издающий металлический звук *доңг*, связан с воинской обрядностью, оружием, тот же процесс связан с *сынг* «звук» у башкир, в фольклорной традиции которых была мелодия «Звенящий журавль», исполнявшаяся перед битвой на музыкальном инструменте курае [18, с. 29].

Во многих культурах журавль – это примета весны, расцвета степи. Люди после холодной зимы ждали весну, ведь, согласно народной примете, прилет журавлей несет только хорошие новости. Калмыкам с раннего детства приходилось наблюдать в степи пляску журавлей. Калмыки, увидев журавля, исполняли песню, в которой были следующие слова: *Тоһрун, тоһрун, келдүрэрн, Тоһрун, тоһрун, колэрн, Тоһрун, тоһрун толһаһарн (Журавль, журавль хохолком, журавль, журавль ногами, журавль, журавль головой, головой)*. Исполнение заговора магическим образом действует на журавля: «Издали услышав пение, журавль начинал кивать головой, плавно и поочередно поднимая свои ноги, танцуя, размахивать крыльями. Я опять и опять повторял слова песни, и снова продолжался этот красивый танец» [20, с. 52].

Следующий текст под названием «Мелодия танцующего журавля» записан от сказительницы Т.С. Тягиновой [Там же, с. 201].

Тоһрун-тоһрун зогдрарн,
Тоһруна күүкн көөлүрэрн-көлүрэрн.
Тоһрун-тоһрун келдүрэрн,
Тоһруна күүкн зогдрарн-зогдрарн.
Тоһрун-тоһрун көөлүрэрн,
Тоһруна күүкн зогдрарн-зогдрарн

(Журавль – журавль хохолком,
А журавленок ногами – ногами,
Журавль- журавль – перьями
Журавленок-журавленок хохолком,
Журавленок-журавленок ногами,
А журавленок-журавленок – хохолком).

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что пляски журавлей были нескольких видов (восходят они к культу священных тотемных птиц): 1) одиночный танец журавля; 2) танец журавлей вместе со своим потомством; 3) танец журавлей, исполнявшийся во время брачного периода. Каждому из этих танцев соответствовал заговор или заговорная песня. Подражательные танцы взрослых журавлей и их птенцов подготавливали их к жизненным невзгодам.

Бытовавшие тексты заговоров, кратких ритмичных мелодий, посвященных журавлям, собственные наблюдения позволили профессиональным танцорам и хореографам воссоздать танец журавлей. Исполнителям танца Валерию и Галине Эрдниевым удалось творчески воплотить брачный танец журавлей, потому что им удалось наблюдать его. Валерий Эрдниев вспоминает: «Мы решили сократить путь и двинулись по степной доро-

ге. Чуть поодаль от нее – озерцо небольшое. Симпатичное такое блюдечко с золотистыми берегами камыша. А тут – мысок изумрудный. И на нем, как на сцене, – пара журавлей. Мы из-за бугорка выехали. Может, потому и не заметили они нас сразу. Водитель остановил машину, шепотом нам говорит: “Гляньте: свадьбу играют...”. Как-то сразу и не поняли в чем дело. А он рукой на журавлей показывает. Мы так и прильнули к окнам: уж он ее обхаживал – и так изогнется, и эдак закружит, и крылом пригладит... На секунду приостановился, автобус заметив, но потом, видно, понял, что мы ему не соперники, и продолжил танец. А мы все смотрели, смотрели, смотрели...» [11].

Исполнители танца журавлей в воссозданном парном танце-пантомиме передавали повадки журавля и журавлихи, во время которого два исполнителя кружились друг возле друга, взмахивали руками, как крыльями. Танцуя, то приближались, то отдалялись друг от друга. Этот танец полюбился зрителям. Современные калмыки приглашают на свадебное торжество исполнить танец журавлей, восстановленный П.Т. Надбитовым, ибо он, по их представлениям, несет счастье молодой семье.

Печальный крик журавля упоминается в протяжной песне, исполнявшейся на калмыцкой свадьбе. Это песня – прощание невесты с родительским домом. Вывоз невесты из родительского дома происходил ранним утром, когда на ладони должен был виден рисунок. Обращаясь к свату, представители невесты говорили следующие тайные слова: «Настало время отправляться, уши коня даже приготовились к отъезду». Время отъезда невесты называется «күн болх цаг» («время, когда становятся чужой»). Одна из представительниц рода невесты (обычно это женщина пожилого возраста) исполняла песню-плач, песню-предсказание, в которой говорится о будущей тяжелой жизни невесты на «чужой стороне» [6, с. 356].

В калмыцком фольклоре, в частности в сказках, образ журавля часто наделялся такими чертами, как ум, благородство, рассудительность. В споре с другими животными журавль непременно побеждает: в одной из сказок журавль недоволен хвастовством гуся, который хочет превзойти всех птиц; журавль в данном кратком сюжете выступает в роли мудреца [23, с. 126].

В другом сюжете журавль «упрекает» своего небесного покровителя *заячи*: «Почему ты

воробью, который подобен маленькому червяку, даруешь двадцать яиц, мне же величиной с овцу даруешь два яйца. Кого же я буду вести за собой, что я оставлю своей земле?» [19, с. 95]. Из этого проникновенного текста обращения журавля к своему покровителю становится известным о том, как они заботились о своем потомстве. Так, хакасы полагали, что в летний сезон журавли должны вывести птенцов числом, равным числу умерших в течение года [7, с. 356].

Б.Б. Горяева рассматривает круг действий птиц как помощников главного героя в калмыцкой волшебной сказке. Помощниками в сюжете выступают сорока, ворон, воробей, петух, курица и утка, круг действий которых охватывает ликвидацию беды или недостачи. [9, с. 134–141].

В сказке «Братья-мыши» журавль также выступает как помощник других животных. Журавль может передвигаться в нескольких мирах, в данном тексте он доставляет волка на небосвод по его просьбе, спустившись в нижний мир, он помогает мыши.

Итак, в традиционной культуре калмыков журавлю придается большое значение, имеющее во многом сакральный смысл. В фольклорной традиции калмыков сохранились запреты, сказки, заговоры, песни, танец, связанные с этой птицей. Данный комплекс представлений о журавле, сохранившийся в народной традиции калмыков, сходен с представлениями других тюрко-монгольских народов.

Список литературы

1. Амбекова Б. Цецн булг. Элст, 2004.
2. Аристеев К. Образ журавля в калмыцком фольклоре // Теегин герл. 2000. № 2. С. 126–128.
3. Басангова Т.Г. Калмыцкие сказки о животных (из истории публикаций и переводов) // Изв. Дагест. гос. пед. ун-та. Обществ. и гуманитар. науки. 2017. № 1. С. 49–54.
4. Басангова Т.Г. Образ Зара Цецена (Ежа Мудрого) как культурного героя в фольклорной традиции калмыков и ойратов Синьцзяня // Mongolica. 2017. С. 37–42.
5. Басангова Т.Г. Паук в фольклорной традиции калмыков // Вестн. Калм. ин-та гуманитар. исследований РАН. 2016. № 2. С. 154–159.
6. Борджанова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007.
7. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов: пособие для учителей. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1996.

8. Ганхуяг Д. Ура или уухай, хураг [Электронный ресурс] // ARD. URL: <http://asiarussia.ru/articles/15568/> (дата обращения: 20.02.2018).

9. Горяева Б.Б. Орнитоморфные помощники героя в калмыцкой волшебной сказке // Изв. Волгогр. пед. ун-та. 2017. № 9. С. 134–141.

10. Джимгиров М.Э. О калмыцких народных сказках. Элиста, 1970. С. 75–81.

11. Жизнь в танце // Тюльпан: гос. калм. ансамбль песни и танца: [сайт]. URL: <http://www.tulpan-elista.ru/component/content/article/15> (дата обращения: 15.02.2018).

12. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977.

13. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энцикл., 1987–1988.

14. Монраев М.У. О криках и звуках, издаваемых животными и птицами в калмыцком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10. Ч. 2. С. 112–115.

15. Мудрец и гелюнг // Ларец сказок: [сайт]. URL: <https://kalmyckie-skazki.larec-skazok.ru/mudrec-i-gelyung> (дата обращения: 16.02.2018).

16. Надршина Ф.А. Память народная. Уфа, 1986 (на башк. яз.).

17. Пропп В.Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2001.

18. Сагитов М.М. Древние башкирские кубаиры. Уфа, 1987 (на башк. яз.).

19. Султангареева Р.А. Танцевальный фольклор башкир. Уфа, 2013

20. Т.С. Тягинован амн урн үгин көрнгэс. Фольклорные материалы из репертуара Т.С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н.Г. Очировой, сост., коммент. Б.Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011 (на калм. и рус. яз.).

21. Фаворский В.И. Как я работал над «Джангаром» [Электронный ресурс] // Буддизм в Калмыкии: [сайт]. URL: <http://khurul.ru/?p=395> (дата обращения 20.02.2018).

22. Хальмг туульс. 1 боть Элст, 1960.

23. Хальмг туульс. Элст, 2009.

24. Цоргаев Л.-Г., Бадмаева Е. Подари красоту. Элиста, 2013.

* * *

1. Ambekova B. Cecn bulg. Jelst, 2004.
2. Aristeev K. Obraz zhuravlja v kalmyckom fol'klоре // Teegin gerl. 2000. № 2. S. 126–128.
3. Basangova T.G. Kalmyckie skazki o zhyvotnyh (iz istorii publikacij i perevodov) // Izv. Dagest. gos. ped. un-ta. Obshestv. i gumanit. nauki. 2017. № 1. S. 49–54.
4. Basangova T.G. Obraz Zара Cecena (Ezha Mudrogo) kak kul'turnogo geroja v fol'klорnoj tradi-

cii kalmykov i ojrator Sin'czjanja // Mongolica. 2017. С. 37–42.

5. Basangova T.G. Pauk v fol'klornoj tradicii kalmykov // Vestn. Kalm. in-ta gumanitarnyh issledovanij Ros. akademii nauk. 2016. № 2. S. 154–159.

6. Bordzhanova T.G. Obryadovaya poehziya kalmykov (sistema zhanrov, poehtika). EHlista: Kalm. kn. izd-vo, 2007.

7. Butanaev V.YA. Tradicionnaya kul'tura i byt hakasov: posobie dlya uchitelej. Abakan: Hakas. kn. izd-vo, 1996.

8. Ganhujag D. Ura ili uuhaj, hurag [Elektronnyj resurs] // ARD. URL: <http://asiarussia.ru/articles/15568/> (data obrashhenija: 20.02.2018).

9. Gorjaeva B.B. Ornitomorfnye pomoshniki geroja v kalmyckoj volshebnnoj skazke // Izv. Volgogr. ped. un-ta. 2017. № 9. S. 134–141.

10. Dzhingirov M.Je. O kalmyckih narodnyh skazkah. Jelista, 1970. S. 75–81.

11. Zhizn' v tance // Tjul'pan: gos. kalm. ansambl' pesni i tanca: [sajt]. URL: <http://www.tulpan-elista.ru/component/content/article/15> (data obrashhenija: 15.02.2018).

12. Kalmycko-russkij slovar' / pod red. B.D. Muni-eva. M.: Rus. yaz., 1977.

13. Mify narodov mira. Jenciklopedija: v 2 t. / gl. red. S.A. Tokarev. M.: Sov. jencikl., 1987–1988.

14. Monraev M.U. O krikah i zvukah, izdavayemyh zhyvotnymi i pticami v kalmyckom jazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 10. Ch. 2. S. 112–115.

15. Mudrec i geljung // Larec skazok: [sajt]. URL: <https://kalmyckie-skazki.larec-skazok.ru/mudrec-i-gelyung> (data obrashhenija: 16.02.2018).

16. Nadrshina F.A. Pamjat' narodnaja. Ufa, 1986 (na bashk. jaz.).

17. Propp V.Ja. Russkaja skazka. M.: Labirint, 2001.

18. Sagitov M.M. Drevnie bashkirskie kubairy. Ufa, 1987 (na bashk. yaz.).

19. Sultangareeva R.A. Tanceval'nyj fol'klor bashkir. Ufa, 2013.

20. T.S. Tjaginovan amn urn ygin kɵrɵgɵs. Fol'klornye materialy iz repertuara T.S. Tjaginovoj. Samozapis' 2004–2010 gg. / predisl. N.G. Ochirovoj, sost., komment. B.B. Gorjaevoj. Jelista: KIGI RAN, 2011 (na kalm. i rus. jaz.).

21. Favoriskij V. I. Kak ja rabotal nad «Dzhangarom» [Elektronnyj resurs] // Buddizm v Kalmykii: [sajt]. URL: <http://khurul.ru/?p=395> (data obrashhenija 20.02.2018).

22. Hal'mg tuul's. 1 bot' Jelst, 1960.

23. Hal'mg tuul's. Jelst, 2009.

24. Corgaev L.-G., Badmaeva E. Podari krasotu. Jelista, 2013.

The crane in the folk tradition of the Kalmyks

The article explores the image of a crane, a sacred bird enjoying special reverence among the Kalmyks. In the Kalmyk folk tradition there are prohibitions, incantations, fairy tales, songs, dances associated with this migratory bird.

Key words: *fairy tales about animals and birds, crane, incantation, prohibition, wedding song, pantomime dance.*

(Статья поступила в редакцию 27.02.2018)

А.С. БОКАРЕВ
(Ярославль)

СУБЪЕКТНЫЙ СИНКРЕТИЗМ В ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Рассматривается специфический для песенной поэзии тип субъектного синкретизма, возникающий в ходе создания кавер-версий и трибьютов, т. е. при переходе произведения от одного исполнителя к другому. Демонстрируются конкретные «механизмы» субъектных преобразований песни, делается вывод о близости современного исполнительского искусства архаическим формам сознания и мышления.

Ключевые слова: *песня, песенная поэзия, субъектная структура, субъектный синкретизм, субтекстуальность, вариативность.*

Широко известно, что пение – одна из самых древних форм речевого поведения, порожденная «специфической нерасчлененностью “я” и “другого” в архаическом сознании и искусстве» [4, с. 28–29]. Именно в пении субъектный синкретизм наиболее очевиден и не изжит до сих пор – протагонист не только поет голосом автора, но и «присваивает» его внешний облик [10, с. 84], особенности жестикуляции, пантомимику. Отсюда принципиальная для песенной поэзии субъектная неопределенность: с учетом «звучащей» природы высказывания лирический герой легко отождествляется с автором, а граница между «своим»